

СТРАННИЦА ЕЛИЗАВЕТА

Лиза вышла из вагона на своей станции. Метро в Германии совсем не такое, как в центре Москвы, где она родилась и выросла. Никакого шика и архитектурных излишеств сталинских времен. Все сухо, по-деловому, по-немецки... И эскалаторы – другие. Мюнхенские, например, ходят или туда, или сюда. По желанию клиента: хочешь вверх – давай, хочешь вниз – пожалуйста. А если народа – нема (чего в Москве, кажется, вообще никогда не бывает), эскалаторы на месте стоят. Экономят драгоценную электроэнергию...

Было уже почти десять. Поздний вечер по местным стандартам. В метро – ни души. Точно все вымерли... И эскалатор стоял как вкопанный. Ждал, когда Лиза ему команду «поехать наверх» даст. Лиза встала на лестницу, но та почему-то с места не сдвинулась. Хотя электронная стрелка на алюминиевом столбе услужливо горит, показывая нужное Лизе направление, сам эскалатор ее упорно игнорирует... Точно она мираж...

Лиза поднялась по обычной лестнице, минуя несговорчивую машину. Может, у нее уже «мертвый час»? Или она на эмигрантов плюет?..

Вышла из метро. Вдоль аллеи, ведущей напрямик к ее дому, цвели белые акации. Цвели как сумасшедшие... В этом запахе таилось так много любви, истомы, сладости, такое обещание пресловутого урлауба¹, на котором бургеры и бургерши были просто помешаны. Сами-то они уже спали глубоким сном. В предчувствии новой трудовой недели... Аккуратные домики с плотно опущенными жалюзи навели на Лизу тоску. После многочасовой работы за компьютером болели глаза. В турбюро её сегодня просто замотали... Телефон звонил, не умолкая. Шеф нервничал и придирился. Её языкового запаса явно не хватало. Выезжала на собственной находчивости и природном обаянии. Неужели её все-таки уволят? Нет, не должны...

Только сейчас Лиза почувствовала, как она устала... Весь день продержалась на адреналине. Вообще-то она предпочитала выброс других гормонов, например – гормона счастья, но с тех пор, как Рихард исчез с её горизонта и растворился вдали, она решила уйти в работу как в спасение... Не тут-то было! Надо ломать себя. Переделывать... Ведь может же он жить только работой. И она должна так научиться. Это Германия... Здесь у людей работа на первом месте. Возможность самореализоваться. Пробыться. И только потом вкусить все радости жизни... А мир чувств устарел. И остался, видимо, в предыдущих миллениумах...

Господи, как ей не хватало Рихарда! Как много вопросов у неё теперь появилось к жизни и к нему. Она вела с ним нескончаемые мысленные «переговоры». У неё было два телефона – домашний и мобильный, но он не звонил ей больше ни по одному из них...

Русский немец. Эмигрант, как и она. Только разными путями они сюда добирались. Она – на место тех, которых тут истребили, изгнали, уничтожили... Он же вернулся на свою историческую родину. Русский немец... При-

¹ Отпуск (нем.)

чудливая гремучая смесь. И не русский на поверку, и не немец вовсе... Рихард... Одно имя чего стоит... Любимец женщин... Коллекционер... Нет, не только это...

«Я хотел бы влюбиться, – сказал он ей чуть ли не в первую их встречу, – но у меня не получается. В лучшем случае я позволяю женщинам (он обожал говорить о женском поле во множественном числе!) любить себя».

О, тогда она очень испугалась этих его слов. Они были символическим прологом к их будущим отношениям. Но отступить было и поздно, и невозможно... Её лихорадило... Она попалась...

«В моей жизни всё всегда происходит так, как я захочу», – констатировал он немного позднее, ломая ее последнее сопротивление.

«Чего же ты хочешь теперь?» – спросила, когда всё уже свершилось.

«Я хочу получить женщину во всех её проявлениях, ты не против?»

Он обычно очень четко формулировал свои вопросы и любил их задавать. А Лиза как раз до жути любила каверзные вопросы.

«Какая гармония...» – смеялся Рихард, подразумевая их с Лизой отношения...

Ей тоже казалось, что между ними установилась полная гармония. Он однозначно лидировал, она – отступала. Он нуждался в помощи – она помогала. Казалось, так и задумано природой...

Рихард торговал нефтью и нефтепродуктами. Имел свою фирму. Свободный предприниматель. Десять лет уже в Германии. И в голове у него, наверное, только цистерны, контракты, акции, проценты...

Он с ней многим делился, говорил, что с ней можно вести речь о чём угодно, потому что она «своя в доску».

«Открою тебе жгучую тайну, – поведал он как-то. – Я считаю, что секс – это для женщины. А для мужчины существуют только профессия и работа. Мне лично секс совсем почти не нужен. Но я люблю иногда... – его голос становился особенно ласковым, – доставить удовольствие женщине. Обычно я довожу женщину просто до исступления...»

«Это как?» – не поняла Лиза.

«Увидишь...»

Нет, Лиза вовсе не была несведущей девочкой. Десятилетний опыт супружества за плечами. Горький опыт. Тяжёлый развод. Уже за тридцать. А Рихард значительно ее старше. Ровно через десять лет после Победы родился. Родом с дальнего Севера. Не сладко ему, надо думать, жилось на их общей родине с таким характерным немецким именем. Отец и мать из сосланных. Обделённых, ущемлённых...

Они, родители Рихарда, и встретились на поселении, на лесоповале. И полюбили друг друга. Всю жизнь вместе. Хельмут и Герда... А вот у Рихарда личная жизнь не заладилась. В девятнадцать женился. Четверть века маялся с женой без любви. Уехали в Германию. Двое детей, но взаимное отчуждение. С её стороны – требовательная любовь, ревность, с его – желание порвать, уйти, вырваться на свободу. Наконец подфартило – нашел работу в Мюнхене, укатил из их маленького городка, где всё и вся у всех на виду. Понял, как прекрасно жить одному. Но не дали. Настигли: через полтора года, когда Рихард только становился на ноги, – жена и дети к нему в Мюнхен приехали. Пробовали снова жить вместе. Не получилось. Полный обвал...

«Однажды жена спросила, люблю ли я ее. К этому моменту она меня настолько утомила, что я вынужден был ей сказать правду, – временами мне кажется, что я ее просто ненавижу...»

«И она ушла?»

«Только через год, – устало вздохнул Рихард. – Они меня исключили из своей жизни. Уехали. Очень плохо со мной поступили... Все меня бросают...»

Вначале всё так красиво, а потом женщины, видимо, чувствуют, что со мной они просто теряют время, и находят кого-то другого. А меня бросают... Понимаешь?»

«Я тебя не брошу».

«Не зарекайся. Ты не выдержишь меня...»

Два с половиной месяца, как они не встречались. А она уже без него просто не выдерживает... Он сделал ее такой жадной до любви...

«Я ведь предупреждал тебя, что так и будет».

«Предупреждал. А я не побоялась».

«А ты не побоялась...»

Наверное, скоро она махнет рукой на женскую гордость и позвонит ему сама. Так, по-деловому, по-немецки, возьмет у него термин². А что? Роли меняются: женщины становятся священниками, зарабатывают намного больше мужчин. С недавних пор в Германии узаконены браки между однополыми. Мир сошёл с ума...

И в этом тотальном сумасшествии запросто можно позвонить ему. Он ответит ей своим обволакивающим голосом по одному из многочисленных телефонов. Вместо «алло!» он назовет свою красивую фамилию – так тут принято. Он не звонит, потому что страшно задезован. Цены на нефть падают. Проценты по кредиту растут. Его долг банку всё время увеличивается. А ему нужно платить алименты семье, оплачивать свою большую квартиру, которую Лиза с такой любовью для него убирала. У него очень и очень трудная жизнь. И ему вовсе не до женщины. Женщина – лишняя нагрузка в напряженном графике бизнесмена...

«Хорошая девочка, – часто говорил он, лаская ее. – Всё, что положено иметь идеальной партнерше, всё в тебе есть. Это я – плохой...»

«Ты наговариваешь на себя! Ты – прекрасный», – выдохнула она.

«Ты просто влюбилась. Я ведь предупреждал тебя... Но зовизо³ у тебя не было другого выхода...»

Иногда он был очень нежен. И всегда – интеллигентен, хоть порой говорил необъяснимо жестокие вещи. Может, мстил за своих сосланных соотечественников? А что тогда должны были делать её соплеменники, отталкиваясь от этой теории исторической мести?

Да, много всего в нём было понамешано. Но Рихард был ей нужен именно таким, каким он был... Полярным: холодным и знойным, равнодушным и заинтересованным, циничным и жаждущим истины...

Интересно, что в промежутках между нефтяными гешефтами он изучал Библию. Изучал досконально и кропотливо, со свойственным немцу стремлением к порядку и анализу. И Библия всегда лежала на тумбочке рядом с его кроватью.

«Вот я постоянно обращаюсь к Святому Писанию. Но самого Бога почему-то не чувствую...»

«Это потому, дорогой, что в тебе нет любви. Ты не можешь полюбить ни Бога, ни женщину. Любить может только человек с открытым сердцем...»

«А оно у меня, по-твоему, закрыто?»

«Ты слишком занят и повесил изнутри замков, чтобы другие не врывались».

«Да, я слишком занят...»

Его дом содрогался от телефонных трелей. Пространство вокруг него вибрировало. Он всегда был раздираем на части людьми и обстоятельства-

² Заранее назначенное время деловой встречи (нем.)

³ Так или иначе (нем.)

ми. Жизнь сосредоточилась для Рихарда в стенах его собственного офиса-квартиры. И он почти не выходил наружу.

«Мне завидуют, говорят: о, вы работаете дома. Я не работаю дома. Я... живу на работе».

Он был гостеприимным. В его большой квартире столовалась, кажется, добрая половина немецких переселенцев, прибывших в Баварию. Они приходили и приезжали к нему, и среди них было много женщин... А он фонтанировал, пел под гитару, острил... Мужчины хотели получить от него совет, помощь, работу. Женщины – хоть немного участия, любви... В такие вечера Рихард был просто неотразим, многие женщины хотели потом с ним остаться. С ним, в его просторной квартире... Он влюблял их в себя, быстро теряя к ним всякий интерес. И снова оставался один... Готовый к новым подвигам и встречам...

«А вдруг я найду женщину еще лучше», – мечтательно сказал он как-то Лизе, – не Лизе вовсе, это были мысли вслух...

Он не умел любить. А она не любить не умела... Какая гармония...

«Лиза, – сказал он ей как-то, – я решил, что мы и впредь будем встречаться, но наши встречи не должны быть слишком долгими. Два-три часа в неделю я ещё мог бы выделить. Но не больше. Ты же знаешь, сколько времени отнимает у меня работа. Не будет работы – не будет и девочек...»

Он все решил за неё... Он знает, как ей вести себя. Знает, как надо. Не слишком много свиданий, не слишком много любви (её любви к нему, разумеется). Встречи – для здоровья, для общего тонуса... Они оба в эмиграции. Кроме него, у нее тут никого нет... Он-то знает, что такое чужбина. Он поможет ей. Поможет адаптироваться. Сгладит проблемы. Даст почувствовать, что она тут не одна. Два-три часа – этого достаточно. Большого он не в силах дать. У него нет такой возможности, нет времени. Нет сердца...

«Знаешь, раньше, в юности я представлял себе прекрасную девушку – саму любовь – рядом с собой... Но так её и не встретил...»

«Может быть, ты еще встретишь её...»

«Нет, всё это – фантазии. В мире нет женщины, которая бы мне подошла...»

Иногда он философствовал:

«Мне жалко всех людей. Женщин – особенно. Поэтому я никогда не могу девушке или даме что-нибудь плохое сделать. Я жду, когда она сама меня бросит. Найдет себе кого-нибудь другого, более подходящего для жизни».

Лиза вдруг поняла. Рихард потому и пропал. Ждёт, что она найдет себе другого. Ждёт и поэтому не звонит... Как холодно в этой Германии! И ветры здесь ледяные, с Альп. Она совсем околела. Ей бы – южнее, но там война, теракты, арабы. В России – бывший муж с новой семьей. Западнее – небоскрёбы взрывают. Со всех сторон обложили! Здесь холодно, но пока не смертельно. И он, главный для нее немец, позволяет ей себя любить...

Однажды она не утерпела. Сама позвонила. Радостный, хорошо поставленный голос. Голос, ориентированный на успех. На удачные продажи нефти и рапсового масла. Знакомые интонации:

«Какие люди звонят! Извини, закрутился. Уйма дел... Я подумал, ты уже нашла себе кого-нибудь. Такая женщина... Ты же знаешь, я очень трудный мужчина в плане времени. Тебе надо еще кого-то найти, в порядке «скорой помощи».

Он не понимал. Когда пожар, «скорая» не помогает...

«Что нового?» – спросила робко.

«Улетаю на днях на Берег Слоновой Кости. Какой отдых! По бизнесу. Вернусь из Африки – и мы сразу же встретимся. Слышишь, сразу!»

Она не возражала...

Она слишком хорошо представляла себе его жизнь. Люди наваливались на него всей своей тяжестью. И он всем и всегда помогал, оформлял приглашения, выправлял документы, писал письма, водил по врачам и разнобразным инстанциям, хоть и признавался, что люди как таковые действуют на него раздражающе, потому что он к ним слишком подключается, теряет собственное лицо...

«Одна женщина как-то сказала, что я – самодостаточный, что мне никто не нужен. Она права?»

Боже, как любил он вспоминать в разговоре других женщин!

«Лиза, мне нравится, что ты не ревнива. Я устал от ревнивых дамочек. Пойми... Все эти женщины – просто транзит...»

Транзит... Они с Рихардом едут на поезде жизни. Странствуют... А кто-то является издалека и невольно врывается в их жизнь, только затем, чтобы сделать пересадку. Привал. Перекантоваться. Поехать дальше... Помнится, незадолго до отъезда она случайно наткнулась на бывшем немецком кладбище Москвы, где были похоронены ее дедушка и бабушка, на склеп странницы Елизаветы и расценила это как своеобразное благословение родных перед дальней дорогой... Она – странствующая Елизавета. Он – ищущий Рихард, который летит на Берег Слоновой Кости...

Как-то Рихард спросил Лизу, опасным ли был бизнес в Москве у её бывшего мужа. И посетовал на то, что в России мафия и предприниматель намертво повязаны. Перед мысленным взором Лизы сразу же промелькнуло её недавнее прошлое: быстро набирающая обороты фирма мужа, нескончаемые вечеринки и банкеты, самые дорогие бутики и супермаркеты, в которых она могла теперь делать покупки, бани и массажные кабинеты, рождественские каникулы в Париже, отдых на экзотических островах. Откуда вдруг столько денег? Этот вопрос хоть и вертелся на языке, но все-таки никак не мог быть задан. О таких вещах в семье не спрашивают. Но она навсегда запомнила истину, которую изрек владелец фирмы и друг мужа: «Если хочешь жить лучше других, надо со всеми делиться». И они, действительно, охотно со всеми делились: щедро платили чиновникам, таможенникам, милиции, охраннику на автостоянке. И все брали и были довольны. Круговая порука. Один из принципов выживания в криминальном мире... Был ли бизнес её экс-супруга опасен? Наверное, да, но основной принцип работал, и красивая жизнь шла своим чередом: как грибы после дождя вырастали новые, дочерние, фирмы, секретарши нанимались всё более длинноногие и сексапильные, круизы становились кругосветными... Муж неожиданно купил себе пневматическое ружьё с оптическим прицелом и стал не без гордости демонстрировать его Лизе. Вначале она была в ужасе от такой покупки, но ей было популярно объяснено, что нынче все уважающие себя люди имеют средства защиты и уже давно позаботились об оформлении необходимого разрешения в соответствующих органах. И платили теперь в России уже не бандитам, а государственным структурам, которые давали не только спокойно работать, но и преумножать свой капитал...

«В Германии всё по-другому. Никакого криминалитета, поэтому я и приехал сюда, – говорил Рихард (как все немцы, он был патриотом своей страны). – И если бы я экспортировал нефть не из России, не о чем было бы вообще беспокоиться...»

Как-то раз вскользь упомянул о том, что ещё на Севере, когда он начал заниматься маслами, его чуть не убили.

Лиза изменилась в лице.

«Но теперь... – безмятежно продолжал он, – я, к счастью, в безопасном месте. Ты только посмотри, как хорошо вокруг. Я выхожу из дома – всюду цветы, поля, леса... Просто сердце радуется...»

Рихард жил за городом. Снимал дом. Ей так нравилось, что он живет на природе, среди рапсовых полей, могучих платанов, зарослей гладиолусов... Сама дорога к нему была для неё началом их любви. Она входила в его дом, он бросался к ней. Между ними пробегало электричество, дух захватывало, сердце переставало биться...

Почти год они встречались. Больше в его уютной квартире, но иногда выезжали и куда-нибудь на природу. У него была такая огромная, дико мужественная с виду машина. На ней бы по саванне ездить... И вот теперь он уезжает по бизнесу на Берег Слоновой Кости. Все логично. Но поедет он в Африку, конечно, не на своей сногшибательной машине, он полетит туда на серебристом «боинге». В аэропорту обменяется заговорщицким взглядом с девушкой в форме таможенницы, в самолете улыбнется белозубой стюардессе... В этом весь Рихард... А она, Лиза, должна работать и не растрояться больше в этой бесперспективной любви. Перевести свою сексуальную энергию в деловое русло... Шеф недавно объявил, что ей необходимо срочно осваивать новую профессию – гида. Пока по-русски, но в недалёком будущем и «на языке врага». Её шеф – шутник. Любит повторять: «Мы в осаде, и немцы в городе». В случае сетования на нелегкую эмигрантскую долю подбадривает: «Отступить, товарищи, некуда, – позади Москва...», – хотя сам родом из Питера. Занятный тип. Болтает на основных европейских языках. По чуть-чуть на каждом, но и это производит впечатление. Ругает всё и всех. Но всё-таки как-то держится на плаву. Грызётся со всеми, но все с ним считаются. Его турбюро вышло на первое место в городе. Среди русскоязычных, конечно. Но и это неплохо. Отношение шефа к Лизе колеблется от любви до презрения.

«Чтобы заказывали только тебя, – говорит он ей так, как будто она в чём-то провинилась перед ним, – надевай юбку покороче и стихов поменьше, пожалуйста. Это не те люди. И поскорее веди их в Хофбройхауз, не прогадаешь...»

Хофбройхауз – самая знаменитая пивнушка Мюнхена. И к вечеру немцы там пивом наливаются просто до чёртиков. Презабавное зрелище. Танцуют на столах. Поют всё, даже русскую «Калинку» Короче, расслабляются по полной программе. Но только по выходным. А по будням такой гульбы не увидишь: впереди раннее вставание, напряжённый трудовой день. Нет в них размаха русской души, её бесшабашности. Одно слово – немцы...

Гидом она работает без году неделю, а сибиряки опять её требуют. Видно, кто-то из прошлой группы посоветовал. Один мужик в тот раз всё на нее пялился и в конце экскурсии выдал из себя что-то очень галантное, правда, с новорусскими грубоватыми намёками... Надо срочно купить новые туфли. Чтобы ноги лучше смотрелись. В моде узкий носок, узкий каблук. Она вынуждена обо всём думать. Богатые люди всё замечают. И ее гонорар будет напрямую зависеть от ее внешнего вида. Высший комплимент, которого она удостоилась, звучал так: «С такой гидшей я бы не только на экскурсию пошёл... Я бы даже захватил её с собой в Малагу...»

Нет, в Малагу она совсем не хочет. Она бы поехала с Рихардом на Берег Слоновой Кости... Там Африка, там много слонов. А где слоны – и масштаб чувств другой... Скоро он вернётся, и они сразу же встретятся, так он сказал... А пока надо мчаться за сибиряками в лучший отель города под названием «Мандарин». А до этого еще заскочить в магазин, подобрать подходящую обувь. Очень крутой отель, и туфли должны быть крутые. Сотней

евро тут не отделаешься. «Надо вкладывать, вкладывать, и потом к тебе всё вернется, с процентами», – ещё один принцип, почерпнутый ею из её прежней жизни в России. «А если окажется, что всё на ветер?» – спрашивала она своего мужа. «Значит, ты просто debil или debilка», – лаконично отвечал он.

Каждый выход к людям для нее – как выход на сцену для актрисы. Всё должно быть продумано: текст, макияж, тембр голоса... Она будет очень стараться, много работать, и тогда полмесяца пройдет незаметно. Рихард вернется из Африки. Они встретятся, и она продержится на гормоне счастья еще какое-то время, до следующей встречи...

Лиза вбежала в отель чуть раньше назначенного часа. Надо осмотреться, заказать такси. У новых туристов какие-то бредовые желания, например, снять виллу рядом с Борисом Беккером. У богатых свои причуды... И хотя это вовсе не её прямая работа, шеф строго сказал, что она должна помочь выгодным заказчикам. А потом уже провести свои экскурсии, если сибиряки того пожелают.

«На эту фамилию номер не зарезервирован, – по-немецки сказал портье, – наверное, какая-то ошибка...», – и на всякий случай во весь рот улыбнулся Лизе. Она уже знала, что так по-голливудски ослепительно приветствуют только в самых-самых, пятизвездочных гостиницах.

«Но мне назначена тут встреча. Могу я подождать?»

«Натюрлихь...»⁴.

Уселась на грандиозный диван в стиле «рококо» В вестибюле гостиницы покой, тишина, прохлада, только молоденькие девочки из «рецепшен» снуют туда-сюда. Где же её сибиряки? Неужели шеф что-то напутал? Или она сама ошиблась, ведь память-то до сих пор девичья... А может, клиенты путешествуют инкогнито, не хотят свои фамилии засвечивать? Лиза уже сталкивалась с подобным. Но надо набраться терпения. Выяснить ситуацию...

Какие великолепные цветы в вазах в этом отеле! И какой роскошью пышет со всех сторон! Её этим не удивишь, в такой обстановке она себя чувствует как рыба в воде. Сложись жизнь по-другому, и сама могла бы остановиться с мужем в таком же вот неслабом отельчике. Но у Бога в голове, как видно, насчет неё другие планы...

Из лифта вышла парочка. Он – лет пятидесяти, с довольным и самоуверенным лицом то ли спортсмена, то ли киноактера, она – сильно мелированная блондинка, в бирюзовом костюме, испещрённом всемирно известным значком «Шанели» По возрасту то ли поздняя жена, то ли ранняя дочь. Двинулись к Лизе. Она впереди. Подбородок победно приподнят. Жена.

«Поклон вам из Сибири... Какими судьбами в Германию-то занесло? – простецкий выговор немного не вязался ни с респектабельностью «Мандарина», ни с «Шанелью». – Будем знакомиться... Евгений. Мария. По телефону подумал, что вы совсем девчонка, а при встрече, так сказать, лучшее впечатление. Вам бы по подиуму ходить...»

«Спасибо. Вы очень любезны. Такси я заказала. Можем ехать, если вы готовы».

«Ты готова, Манюня? – Евгений нагнулся к жене. Та согласно кивнула. – Ну так вот... У нас, так сказать, большие планы. Хотим отдохнуть. Нуждаемся в релаксе. Нужна вилла на два месяца. Надеюсь, вы в курсе?»

«Конечно. Нас с вами уже ждут сегодня на нескольких виллах. Думаю, вы что-нибудь выберете».

⁴ Конечно (нем.)

Они вышли из отеля, сели в такси.

«А что это за виллы? Вы их видели? Нам нужно самое первоклассное. Хоромы, так сказать. С тремя спальнями. И чтоб рядом с Борисом Беккером».

«Рядом найти не удалось. На соседней улице».

«Не, не пойдет. Я же сказал – рядом».

«К сожалению, там дома не сдаются. Это только приватное жильё»

«Никаких «только»! Я дал вам команду. Должны выполнять. Правда, Манюня?.. Тебе не холодно, девочка моя? Из окна не дует? Переведите ему, чтоб закрыл окна, включил кондиционер. Нечего нас проветривать, не в деревне...» – Евгений неодобрительно покосился на водителя.

«В деревне тебе бы больше подошло! – подумала Лиза. – Опять-таки, повернись кольцо фортуны иначе... Но судьба не имеет сослагательного наклонения. Судьба – не немецкая грамматика...»

«Так ты колись, как в Германию-то занесло? – Евгений вдруг резко перешел на «ты» – Втюрилась, что ли?»

«Наоборот. С мужем развелась, и вот... прибило к этому берегу...» – её голос все-таки предательски дрогнул.

«Это ты погорячилась... А вы откуда будете, товарищ? – обратился он к шофёру такси, светлошололадному как мулат. – Спроси у этого черномазого, он-то чего сюда припёрся? Жить надо в своей родной стране. Правда, Манюня? Подтверди... Вот у нас, так сказать, дом в Испании имеется, квартира в Лондоне – теща живет, купил, чтоб под ногами не путалась, а сами-то мы – в Сибири. И это звучит гордо. Она, видишь ли, развелась. Может, ты готовить не могла или в койке ни рыба ни мясо, – вот он и пошел на сторону. Но это ещё не повод покидать родину. Что, мало других мужиков? Приезжай к нам в Сибирь, любого для тебя оприходуем...»

Лизе стало смешно. Глянула в окно. Откинула волосы со лба. Рихарду нравился этот ее жест.

«Мы приехали. Вот она, вилла... – И по-немецки водителю: – Остановитесь, пожалуйста ...»

Вышли из машины. Дом по виду – что-то среднее между подмосковной генеральской дачей и баварской пивнушкой. Евгений скривился:

«Это еще что за хибара? Я просил рядом с Борисом Беккером».

«Вилла Беккера на соседней улице. Мы сейчас подъедем, и вы убедитесь сами, – Лиза начала уставать от своего клиента. Трудный случай. Шеф ей, как всегда, подсуропил... – Давайте осмотрим дом, раз уж приехали. У нас термин в пятнадцать ноль ноль.»

«Чего-чего? Какой еще «тер-мин»? По-русски мне говори! Манюня, садись обратно в машину. Ей нельзя волноваться... Ладно, давай быстро эту хибару осмотрим... Только ради тебя. Но сколько ты ни базарь, я за нее ни цента не дам, поняла?»

...Этот день должен же когда-нибудь кончиться... Мудрые люди говорят: надо дорожить каждым мигом жизни. «Жить и в пути умей!» – написал поэт. Но это так нестерпимо сложно, особенно когда приходится иметь дело с такими личностями, как Евгений. После осмотра пятой виллы, которую не замедлил охаять клиент, Лиза почувствовала: её последние силы кончаются. Работа с людьми – самое неблагоприятное занятие на свете! Но каким бы ни был этот хмырь и другие её клиенты, она не может позволить себе расслабиться или тем более – разозлиться. Как актриса, должна довести свою роль до конца, получить аплодисменты в виде гонорара. И домой. Вернее, в то место, которое она теперь называет домом...

В действительности её дом завис где-то между Москвой и Мюнхеном. Но она ни здесь, ни там... Сидит в бюро, водит приезжих по городу, рас-

сказывает истории про герцогов, курфюрстов, королей, сыплет именами архитекторов и художников, а потом приходит к себе без рук-без ног... Работа – хорошее лекарство от любви к Рихарду.

Рано утром раздался телефонный звонок. Лиза сняла трубку и задержала дыхание. Спросонья у неё даже голоса не было. Кому это она понадобилась в такую рань? У эмигрантов совсем крыша едет...

«Доброе утро, – бодро сказала трубка голосом Рихарда. – Привет из Африки... Как вы поживаете? Разбудил?»

«Это ты... Где ты?»

«На Берегу Слоновой Кости, – сказал он вдохновенно. – У меня все отлично, мне здесь очень нравится...»

«Тогда я буду называть тебя Рихард с Берега Слоновой Кости...» – Лиза мгновенно проснулась и даже стала шутить.

«Гут. Скоро стану миллионером. Переговоры идут полным ходом. Завтра подписываем контракт. Дней через пять жди меня в Мюнхене. Столько впечатлений – не соскучишься...»

«Рада за тебя. Целую».

«И я тебя тоже...»

Теперь ей море по колено... Шеф, трудные клиенты, жара под сорок градусов... Он позвонил ей из Африки... Он скоро вернется...

Недели через три Лиза заволновалась. Что-то случилось. Ни Рихарда, ни африканских впечатлений. Может, переговоры затянулись, пришлось задержаться. Надо ему позвонить. Неизвестность невыносима...

«Алё», – ответил кто-то упавшим голосом.

«Я бы хотела поговорить с Рихардом», – сказала незнакомцу по-немецки. Видимо, один из практикантов.

«Это я, Лиза. Не узнаёшь?» – голос был просто отчаянный.

«Ты вернулся? Что с тобой? Ты болен?»

«Хуже. Я попал в историю. Потерял много денег. Эта фирма в Африке оказалась подставная. В ней орудовали мошенники. Их уже ищет Интерпол. Я назанимал кучу денег, думал, что верну всё сполна. Мне очень плохо, Лиза».

«Я могу тебе чем-нибудь помочь?»

«Моя декабристка... Никто, слышишь, никто не может мне теперь помочь!»

«Я приеду..»

«Приезжай...»

Дорога к Рихарду заняла больше часа. Но Лиза готова была проехать сотни километров, лишь бы оказаться там, где он...

Позвонила. Калитка открывалась автоматически изнутри. Рихард стремительно выбежал ей навстречу. Обнял, поцеловал. Он осунулся и был не похож на себя прежнего. Глаза стали какими-то тусклыми, точно в них выключили свет...

«Ты сегодня ел хоть что-нибудь?»

«Какая еда! Я разорён, понимаешь?»

«Интерпол найдет этих негодяев, вот увидишь...»

«Может быть, но когда это будет? А мне уже через три месяца надо платить долги».

«Что же ты будешь делать?»

«Ну... Кое-что я уже предпринял... Попросил помощи у своего старого друга. Он сейчас на Севере – шишка, большие дела крутит. Не хотелось с ним связываться, но, как я и думал, он не смог мне отказать...»

«А чем он занимается?» – Лиза задала этот вопрос, и ей почему-то стало не по себе...

Рихард отвел глаза:

«У него свой завод, разные коммерческие операции, серьёзные поставки... Ладно, хватит о делах. Ты же знаешь мое золотое правило – ни слова о работе, когда к тебе пришла женщина».

«Это что-то новое...», – подумала она и заставила себя улыбнуться. Ясно, что Рихард хочет сменить тему, забыть о проблемах, которые свалились на его голову... Женщина – иногда она очень даже кстати в напряженной жизни бизнесмена...

«Жди меня в нашей комнате... Я – быстро...»

В «нашей комнате» – звучит очень красиво... Но разве есть у них что-то общее, кроме этих встреч? Его фирма, её любовь... Его партнеры и её клиенты... И тот кусок его жизни, его квартиры – куда он иногда ее впускает... Сейчас ему очень плохо. Он попал в переделку. Она нужна ему... Вот почему она здесь...

... В квартире Рихарда за то время, что они не виделись, мало что изменилось. Даже пальмы в кадках не завяли. И рыбы невозможно плавают в аквариуме. Только чувствуют ли они, как трудно сейчас их хозяину? Рихарда обманули. Это ужасно, но он обязательно выкрутится... Когда он придёт к ней в постель, она должна зарядить его своей уверенностью. Эта уверенность будет плавно перетекать в него, как будто они – сообщающиеся сосуды. И они будут любить друг друга долго-долго, нежно-нежно, как умеют только они...

Борис, давний приятель Рихарда, очень удивился, что тот проявился через столько лет. Говорит, по Интернету нашел его завод, порадовался, что кому-то везёт в бизнесе. На Западе теперь проживает. Там человек человеку волк, а не друг, товарищ и брат. Видно, о нем вспомнил, потому что больше сунуться не к кому. С африканцами связался. Накололи по-крупному. Впрочем, Рихард всегда был совершенно непредсказуемым малым... Борис решил, что бросит спасательный круг утопающему, даст сколько-то денег на отмазку, а потом уже сделает то, что давно следовало бы сделать...

Когда-то давно, жизнь тому назад, Рихард и Борис были закадычными друзьями. В одном дворе жили, в параллельных классах учились, вместе за грибами-ягодами в тайгу ходили, друг с дружкой в карты резались. Стали постарше – за одними и теми же девчонками ухлёстывали, только Рихард всегда у женского пола в любимчиках ходил, а Бориса женщины оценили много позднее, когда он уже заматерел, стал накачанным, как боксер, научился большие деньги заколачивать. В классе десятом Рихард закрутил любовь аж с дочкой главного архитектора города. Порывистая была девчонка, пронзительно красивая и нецелованная. Раскосые глаза в ворохе ресниц. Мариной звали. Борис, тот на нее только засматривался, мечтал о ней, письма, сумасшедший, ночами сочинял. А Рихард действовал иначе: как, Борис до сих пор не смог понять. Знал только, что у Марины с Рихардом такая любовь приключилась, что все в городе о свадьбе заговорили. Только что-то у них там в последний момент сорвалось: то ли Рихард раздумал жениться и сбежал, то ли отец Марины не захотел свою единственную дочку замуж за немца выдавать. Расстроилась свадьба. Разошлась парочка. Рихард в другой город поступать в нефтехимический уехал. Марина осталась со своим позором, потом долго болела, никак восстановить здоровье не могла. В городе слух прошел, что пришлось ей тайно от родителей криминальный аборт на позднем сроке делать. Года через три только Борис снова Марину случайно на улице увидел, показалась она ему почти прежней, только ушло

сияние молодости и раскосые глаза притушили свой блеск. Подошёл к ней, поздоровался. Она была приветлива, но грустна. Борис почувствовал, что Рихард незримо стоит между ними, что Марина его до сих пор не забыла, что она все ещё полна им... Очень Бориса к ней тянуло, но решил отступить. Занялся собственной карьерой, стал замом секретаря комсомольской организации крупного вуза. Потом пошёл ещё выше... Сел в кресло председателя профкома. Теперь он стал выгодной партией даже для такой девушки, какой была Марина. С отличием защитил диплом. Получил место в обкоме. Часто ездил в командировки. И совсем потерял Марину из виду. Но однажды они снова встретились.

То ли судьба, то ли случай. Борису предложили в то лето, а точнее, буквально навязали горящую путевку в Планерское, под Феодосией. Санаторий был непростой, публика – из руководства, пресные лица членов семей. Ни одной интересной личности, особенно женского пола. Борис так расстроился, что хотел бросить путевку, улететь обратно к себе на Север. Но что-то его удержало. Через три дня на пляже он увидел Марину. Ещё не загоревшую, в шезлонге. Она отдыхала рядом на турбазе. Обратно, домой, они уже ехали вместе, не разнимая рук... Через месяц поженились. Через полгода получили трёхкомнатную квартиру в доме для ответственных работников. Мебель из карельской березы купили, кухню чешскую, японский магнитофон. Он – обкомовский работник, Марина – диктор на телевидении. Но счастье почему-то обходило их стороной. Борис делал для жены всё, что мог, а её мучили головные боли, ночные кошмары. Вскоре даже работать не смогла, стала домохозяйкой. Дом – полная чаша, муж с положением; другая бы цвела, радовалась, а Марина на глазах угасала, точно в ней что-то надломилось. Точила её болезнь изнутри, это было видно. Хотели ребенка, но никак не получалось. Чего только не делали. В Москву ездили, к бабке ходили, в Карловых Варах оба обследовались. Ни-че-го. Врачи сказали: неудачный аборт, хрупкое здоровье... Но надежда ещё оставалась. Стали заниматься любовью в определенные дни, как врач посоветовал. Марина к Борису очень уважительно относилась, но любить не любила... Призналась как-то, что он-де до горячего не достаёт, что не чувствует она себя с ним полноценной женщиной, вот с Рихардом – с тем была просто сказка, тысяча и одна ночь, а с Борисом – всё так себе, проза жизни, обыденность... И жестко добавила: «Потому и дети у нас с тобой не рождаются – страсти нет...»

Борис в тот раз вышел из себя, на жену замахнулся: «Катись к своему грёбаному! Ноги твоей чтобы тут не было!» Даже адрес Рихарда предлагал достать по своим каналам. Достал. Принёс. Он ведь человек слова. Только не взяла Марина этот адрес. Ещё больше ушла в себя. Подурнела. На своем бесплодии зациклилась. Постепенно теряла рассудок. Как-то, когда он в ГДР уезжал, попросила: «Привези мне оттуда куклу. Говорят, они там как настоящие младенчики, не отличишь...» Привез, дурак. Самую дорогую купил. В шёлковом платье, личико фарфоровое. С порога куклу схватила. И уже из рук не выпускала. Шептала только: «Доча, немочка моя...» Глаза стали совсем безумные. Судороги начались. Пришлось вызвать врача. Увезли в особую больницу. Информация конфиденциальная, но всё равно наружу просачивалась. Борису перед людьми было стыдно. Он ведь заметный человек в городе. Занимает высокие посты. А с женой такая незадача. Другие как кошки рожают. Или на аборты по два раза в год бегают, а эта... Тоже мне, п..... на горошине. Раньше бабы в поле первенцев роняли, а эта не то что родить – никак залететь не может... Во всех несчастьях Борис винил Рихарда. Но и Марина хороша, давалка. Вот что значит по молодости, по глупости

с фашистами любиться. От этой нации русскому человеку одни страдания. Не зря батя его говорил: «Хороший немец тот, что под землёй лежит...»

Но долг есть долг. Борис регулярно навещал жену в больнице, цветы, фрукты приносил, смотрел на нее встревоженными, всё еще любящими глазами. Но что толку. Не в себе человек. Теперь уже не о родах речь... Не померла бы...

С горя в бизнес пошел, когда новые времена настали. Образование весомое – хозяйственник. Опыт работы. Всё пригодилось. Деньги приличные пошли. Но всё уходило на лечение Марины. Лечишь ее лечишь, а не в коня корм. Двадцать уж лет прошло, а так их род и не продлился. Марина всё по больницам, он – по коммерческим нуждам...

Пару лет назад удалось алюминиевый комбинат приватизировать. Старые связи помогли. Но тут авторитетные ребята наехали, прибылью интересовались. Разговор у них короткий: пиф-паф – и соболезнование в траурной рамочке в газете. Делать нечего – стали совладельцами. У каждого времени свои законы, свои покровители. Теперь они с братками завод поровну контролируют, если какие проблемы – сообща решают. Зато Борис по-настоящему состоятельным человеком стал. Что называется, себе до конца жизни хватит, детям, а может, и внукам... Только нет у них детей. И не будет. Здоровье жены подорвано. Лучшие годы ушли. И если бы этот подонок Рихард не исковеркал жизнь несчастной Марины – были бы они сейчас с ней в полном порядке. Жили бы полнокровной жизнью, крепкой семьёй... Внуков бы уже поджидали... А так... Кому всё это добро оставишь, если наследников нет?

Долг платежом красен. Теперь Борис хотел одного – возмездия...

... Алан наблюдал за домом Рихарда уже не первый день. Задача стояла несложная, но всё шло совсем не так, как Алан предполагал. Объект прочно засел в своей хате, и терпение Алана было на пределе. «Хоть бы за сигаретами вышел», – он сплюнул в траву, опустив стекло в машине. В принципе, ему в кайф было стоять вот так в лесу и вообще в кайф была эта самая Германия. Только хотелось поскорее закончить дело, получить бабки и вернуться в свой маленький осетинский городок, где его ждала невеста. Девушка жила на соседней улице, отец её работал директором птицефабрики, семья была зажиточная. Алан должен был выплатить большой калым отцу невесты, и саму свадьбу решили делать по-богатому. И теперь Алану до зарезу нужны были деньги. Работы в Осетии – никакой, и он подался на Север. Там долго перебивался случайными заработками, потом через десятых лиц вышел на Бориса. Тот оказался мужиком толковым. Подкинул две-три работенки... Неплохо забашлял. Даже в кабак пригласил. Гульнули там с девчонками... После вызвал на разговор. Интересовался, откуда приехал, какие проблемы, умеет ли он стрелять, служил ли в армии. Услышав, что воевал на стороне федеральных сил, очень оживился, пообещал, что будет суперработа. Вскоре ввел в курс дела. Надо было бесшумно убрать одного из питерских чиновников среднего звена, который им палки в колеса ставил. Алан всегда любил боевики смотреть, особенно нравились ему драки, погони и когда пуляют друг в друга. «Если хорошо выполнишь задание, – сказал Борис, когда он отправлялся в Питер, – поедешь за бугор. Там тоже есть одно дельце. С чуваком одним надо разобраться...»

К деньгам, особенно к долларам, Алан относился трепетно. Тем более теперь, когда решил жениться, денег надо много. Мариса, невеста, сказала, что мечтает о большой семье. Если деньги хорошие пойдут, за две тысячи долларов Алан решил купить машину, а три вложить в какой-нибудь бизнес. Можно палатку на рынке взять в аренду или ещё что-нибудь придумать. Если своих мозгов не хватит,

родственники что-нибудь посоветуют, были бы зелёные. Слово «киллер» Алану даже по-своему нравилось, казалось, что он сидит в кино, смотрит какой-нибудь захватывающий боевик, где кровь рекой льется. «Если человек хороший, Аллах никогда не допустит его гибели, – а если человек сложил голову в бою и за правду, пошлёт его душу прямоком в рай», – эти слова, которые он услышал недавно в мечети, глубоко запали ему в душу.

Дом Рихарда стоял рядом с лесом настолько удобно, что нарочно не придумаешь. Два дня назад к Рихарду пришла в гости какая-то молодая женщина. Алан напрягся и весь превратился в слух. Борис запретил пачкать в доме, и Алан все время надеялся, что Рихард наконец-то выйдет из своей хаты, повезёт куда-нибудь женщину на своем зелёном драндулете, и Алан сможет сделать то, ради чего он сюда, в Германию, и приехал. Он задремал и проспал, наверное, часа три. Потом проснулся, отхлебнул колы, съел кусок холодной пиццы и снова стал смотреть на дом, где жил объект. Работа у Алана всё-таки была довольно сложная, но он понимал, что просто так такие деньги не платят. Уже смеркалось. Рядом были Альпы, и воздух даже чем-то напоминал горный воздух его родного северо-осетинского городка. Алан подумал о своей невесте и о том, как она обрадуется, когда он вернётся домой с большими баксами...

Наконец, калитка скрипнула. Алан включил прибор ночного видения. Ближе подъезжать было опасно, ведь это была Германия, а не Россия, и Алан боялся навлечь неприятности на свою голову. Из темноты вышли двое. Женщина была белокурая, на редкость классная, она шла немного впереди и выглядела очень счастливой. Даже отсюда Алану было видно, что она влюблена. Она то и дело останавливалась и лънула к мужику, который Алану сразу резко не понравился. «Шайтан поймет этих женщин, – зло подумал он про себя. – Что нашла в нем эта баба, отчего притащилась к нему сюда неведомо откуда и почему засела у него на целых два дня?..» Засела, не давая Алану выполнить свою работу и поскорее вернуться домой, пока его греческая виза не кончилась.

Баба всё ворковала, и Алан увидел, что она очень даже в его вкусе – весёлая, рослая и фигуристая, он решил, что не будет ее убирать, пускай живёт, если такая красивая, тем более, что насчет неё Борис никаких указаний ему не давал, а уверял, что объект живет за городом совсем один. В руках женщина держала цветы с длинными стеблями. В Осетии такие цветы обычно дарили учительницам перед началом нового учебного года. Уже прицелившись, он вспомнил, что они называются гладиолусы. Раздался глухой хлопок выстрела. Женщина вскрикнула и стала валиться на траву. Алан понял, что промахнулся. Он грязно выругался и рванул с места машину. Уже разгоняясь, он увидел, что из соседнего дома выскочил фриц с двумя собаками и бросился на страшный крик объекта. Больше стрелять Алан не стал. Надо было тикать, пока не застукали...